

Илья Пушкин
АМАЗОНКИ

Илья Пушкин

АМАЗОНКИ

(подборка юношеских стихов)

художник - Маша Ткаченко

Илья Пушкин ©12.12.2010, Иерусалим
www.pushkin-japan.com

Амазонки

Атака!
Во весь опор!
Как соль из разбитой солонки.
И нас убивают в упор
Красивые амазонки.

Их красота легка,
И с лёгкостью восхитительной
Пронзает копьём врага
Прекрасная воительница.

А потом вспоминает бой,
Удалого лаская коня:
«Какой он был молодой,
И как он смотрел на меня!»

На галерах

Вырываются мокрые вёсла из рук,
Пахнет потом от спин загорелых.
Как у нас хорошо – море, солнце вокруг.
Как у нас хорошо на галерах!

Мы везём из далёких тропических стран
Пирамиды плодов незрелых.
Наши головы целы – добряк капитан.
Как у нас хорошо на галерах!

Капитан курит опий, пьёт без удержу ром
И ласкает красоток дебелих.
В капитанской каюте весёлый содом.
Как у нас хорошо на галерах!

Полный штиль, все в работе, нельзя уставать,
Визг уключин осточертелых.
А потом можно пить, а потом можно спать.
Как у нас хорошо на галерах!

Мертвецов здесь хоронят в пучине морской,
Без молитв и без саванов белых.
Нам спокойней лежать под волной и луной.
Как у нас хорошо на галерах!

Вырываются мокрые вёсла из рук,
Пахнет потом от спин загорелых.
Как у нас хорошо: море, солнце вокруг.
Как у нас хорошо на галерах!

Янычар

У янычара есть быстрый конь
И за поясом острый меч,
И как бабочка на огонь
Летит янычар на смерть.

У янычара есть лук тугой
И золотом шитый колчан,
И стрелы летят одна за одной,
И гибель несут врагам.

У янычара горячая кровь,
Красная, как пожар.
И, умирая, вновь и вновь
Кого-то зовёт янычар.

Любовь гладиатора

И во сне моё сердце с тобою,
И, сражаясь, тебя я пою,
Добывая железом и кровью
Дорогую свободу свою.

Как посмел в твоё имя влюбиться?
Как посмел на тебя посмотреть?
Ты – великая императрица,
А я – раб, обречённый на смерть.

Гладиатор, казнённый любовью,
Бедный рыцарь убитой мечты,
Заплативший своей головою
За секунду твоей красоты.

Или в пропасть упасть и разбиться,
Или в небо с тобой улететь!
Ты – красивая гордая птица,
А я – раб, обречённый на смерть.

Подражание Гумилёву

Она провожала его молитвами,
Она махала ему с мансарды.
А он ускакал, и скрылись за миртами
Вышитые на плаще леопарды.

Он возвратился, и криками гордыми
Она встречала его с мансарды.
И улыбались кровавыми мордами
Вышитые на плаще леопарды.

Ты один

Ты один, без роду и племени.
Ты один задохнёшься в бою.
У тебя не осталось времени
Собирать когорту свою.

А в тылу твоём ветер гуляет,
Обещая в затылок свинец.
А в руках твоих честно сверкает
Твой единственный меч-кладенец.

И когда без вдоха, без стона
Своё тело отдашь земле,
Только чёрная злая ворона
Каркнет радостно о тебе:

«Он один, без роду, без племени.
Он один задохнулся в бою.
У него не хватило времени
Собирать когорту свою...»

Франсуа Вийон

Вбивают в глотку мне слова,
Но жалоб нет в моих речах.
Молю: вот только б голова
Сидела крепко на плечах.

А, если завтра голова
Слетит под хохот палачей,
Молю: вот только бы слова
Остались в памяти твоей...

Мои два глаза

А у меня два глаза есть.
Мне хорошо, – я не кривой:
На что закроется один,
На то откроется другой.

Мой правый глаз закрыт сейчас,
На вас глядит мой левый глаз.
Он видит то, чего подчас
Не замечает правый глаз.

Я жду, когда настанет час,
Чтобы открыть свой правый глаз,
И он тогда увидит в вас,
Чего не видел левый глаз.

Ведь у меня два глаза есть.
Мне хорошо – я не кривой.
На что закроется один,
На то откроется другой...

Ироническое

При имени моём вопрос
У всех на лицах возникает,
Отец с усмешкой морщит нос,
А мама головой качает.

Нас не увидят вместе здесь,
Мы ничего не скажем людям.
Давай оставим всё как есть,
И большего желать не будем.

Зачем? – наш городок о том
Узнает вскоре непременно.
Что станет говорить потом
Княгиня Марья Алексевна?

Ироническое второе

Мои желанья промелькнули
Неуловимо надо мной:
Мы двадцать пятого июля
Не стали мужем и женой.

Я буду клясться, как обманщик,
Безумнее день ото дня,
И слышать вновь: спокойно, мальчик,
Ты просто выдумал меня.

Задумчиво вина пригубит,
Ответит равнодушно: «Да».
Увы. Она меня не любит,
И не полюбит никогда.

Размышления русского еврея

Я остался один, поверь,
И против меня весь свет:
Ведь русские скажут, что я еврей,
А евреи скажут, что нет.

Русские скажут, что да, еврей,
Самых чистых кровей.
А евреи скажут, что, если еврей,
То только «Аз ох ун вэй».

Евреи сразу поставят вопрос:
Обычаи где? Где язык?
А русские скажут: вот это нос!
Зачем же ты пейсы остриг?

Да, пейсов нет, но есть душа, –
Что же мне делать с ней?
Когда-нибудь пеплом моим дыша,
Она поймёт: я – еврей.

Я остался один, поверь,
И против меня весь свет:
Ведь русские скажут, что я еврей,
А евреи скажут, что нет.

* * *

Мне не хватает боли,
Чтоб плакать и кричать.

Мне не хватает воли,
Чтоб заново начать,

И сердце замирает,
И не могу решить:
Чего мне не хватает,
Чтобы остаться жить?

Поэту

Презри зовущие костры:
Дороги мирные и войны
Все одинаково пусты,
Трудов и крови не достойны.

Живи, отдавшись красоте,
Весь мир обняв своей душою.
И гибнущие в суете
Тебя разделят меж собою.

* * *

Мой час рожденья не пробил:
Живу под смех толпы
Без скорлупы, но и без сил,
Чтоб жить без скорлупы.

Один скрываться и молчать
Я должен день и ночь,
И обречён всего желать,
Но ничего не мочь.

И ждать неведомо чего,
Но только, чтоб скорей.
И ждать рожденья своего,
Иль гибели своей.

* * *

Нелепые ошибки
Простить себе не в силах,
И прятаться улиткой
От вечных дум унылых,

И вспоминать невольно,
Что день принёс вчерашний...
Жизнь – это очень больно.
Смерть – это очень страшно.

Любовь зимой

С тобой я стану красивее
Под светом мягких глаз твоих.
Твоя любовь меня согреет.
Ты не похожа на других!

На ветках иней расцветает,
Я подарю его тебе.
И красота его растает
В твоей любви, в твоём тепле.

Сказка

Десять лет ждала принцесса
Вдруг исчезнувшего принца,
И однажды из-за леса
Вылетела колесница.

Пело утро, расцветая,
И роса блестела, тая,
И блестела колесница,
Колесница золотая...

Ковбой

Тебе нравятся шутки с конями
И спокойная гордость аскета,
И красивая шляпа с полями,
И блестящая сталь пистолета.

Ты гарцуешь.
Красавица Мери
Из окна за тобой наблюдает.
Ты ускачешь в далёкие прерии, –
За тобой её вздох улетает...

Волки

Чтоб не гибнуть без толку
В замерзающем крае,
Одинокие волки
Собираются в стаи.

Собираются вместе
И вместе кочуют,
И охотятся, если
Добычу учуют.

А дождливой порою
Разбредается стая,
Чтоб добраться весною
До волчьего рая.

Пролетят торопливо
Мимолётные грозы
И завоют тоскливо
Волки ночью на звёзды...

* * *

Взовьются знамёна. Тяжёлые, острые сабли
Ещё раз блеснут над бегущими рьяно конями.
Погибнем без стога. И вытечет капля за каплей
Всё то, что когда-то зарёю висело над нами.

И кончится всё, как и началось, кровью и дымом,
И пеплом мертвящим покроется злая планета.
Но кто-то последний пойдёт по Земле
пилигримом,
Повсюду взрывая лучи беспощадного света.

Чтоб вспыхнула снова Земля, разгорелась сильнее,
Чтоб снова жила, напряжённо в огне выживая.
Чтоб крылья раскинув и вытянув гордые шеи,
Куда-то неслась человек безумная стая.

* * *

Вот капля позднего дождя
Ко мне стучится наяву
И говорит: «Люби меня,
Я без любви не проживу!»

Вот роза, красотой даря,
Шепнёт, когда её сорву,
Порывисто: «Люби меня,
Я без любви не проживу!»

И смело, чувства не тая,
Презрев презренную молву,
Ты говоришь: «Люби меня,
Я без любви не проживу!»

И я, необретённый я,
О чём-то плачу и зову
Кого-то: «О, люби меня!
Я без любви не проживу!»

Стихотворение девушки, представляющей себя актрисой, играющей Джульету в своей комнате

Довольно плакать!

«Света, больше света!» – шептал
великий немец, уходя.

И я смеюсь: сегодня я – Джульетта.

И не боюсь: сегодня я – дитя.

Вот зрители: трюмо сидит в партере,

И на галёрке замер чей-то флёр...

Они про нас давно забыть успели

И не подпишут счастьем приговор!

И задохнусь, не получив ответа,

Увидев, что всё кончено давно.

И стойко умираю как Джульета,

И плачет потрясённое трюмо.

* * *

Не удивляй людей, мудрец,
И умным прослывёшь.
Не удивляй людей, глупец, –
За умного сойдёшь.

Не удивляй людей, мудрец,
И дольше проживёшь.
Не удивляй людей, глупец,
И далеко пойдёшь!

ЧЕТВЕРОСТИШЬЯ

1. Рабы

Без любви и вне закона,
Затая в себе обиды,
Под пятою фараона
Мы возводим пирамиды.

2. Евреи

Невозможно нам жить и петь
Вдалеке от родной земли.
Обрекая себя на смерть,
Мы сжигаем свои корабли.

3. Царь

Корона золотая,
накидка горностая,
придворных хамов стая
и голова пустая.

4.

Холодная, как змея,
сжимает горло усталость,
Жизни тупая игла
мне обещает смерть,
Я утопил бы тебя,
да ты научилась плавать,
Сжѐг бы тебя дотла,
да ты разучилась гореть.

5.

Храм разрушен, убиты жрецы,
Осквернён и разграблен ковчег.
Как высоки стремленья твои
И как низко ты пал, человек...

6. Мадонна

Под бой часов и песни лир
Походкой мягкой и воздушной.
И на руках твоих весь мир –
Большой ребёнок непослушный.

7.

Твой век – мгновенье,
Твой мир – песчинка,
Ты лёгкой тенью
Летишь, пушинка...

8. Ревность

Мелькают мысли в голове,
И снег скрипит, как сумасшедший.
Я вижу свет в твоём окне, –
Пусть он умрёт, тебя нашедший.

9.

Мне не знакомы униженья муки,
Презренный труд не связывает руки,
Я болен, голоден, я умираю, но
Я никому не должен ничего.

10.

Старые тряпки в печке горят
И чёрные дни – весёлым огнём.
Одежду в пламя – и голы до пят
Новую песню вместе споём.

11. Посвящение любимой

Тебя поделим мы вдвоём,
Я и мой нежный стих:
Он будет в сердце жить твоём,
А я – у ног твоих.

12.

У нас с тобой похожие повадки.
Мы – две страницы одного закона.
Ты выбираешь место для посадки,
Я расчищаю место для разгона.

13.

Несётся всё вперёд из века в век.
Что раньше год, теперь – минута.
А жизнь нам говорит: «Аз ох ун вэй»
И грустно улыбается чему-то.

14. Кредо

Да, сгусток сил моих на пустяки растрочен.
Да, для меня пустяк чем мельче, тем важней.
Я обману того, кому был предназначен
И раздарю себя по прихоти своей.

15.

Ты откинулась в кресле,
ты устала с дороги,
И рассыпался пепел
по белым плечам.
Ты мне снишься в стране,
где любовь обивает пороги,
А желанья свои
нараспев отдают палачам.

16. В ночном городе

Каждым шагом отражаясь
В городе большом и гулком
Как шатун всю ночь шатаюсь
По пустынным переулкам.